

2016
май
№5 (203)

**Каждый выбирает для себя
женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку —
каждый выбирает для себя.**
Юрий Левитанский

ЙОМ ХА - ШОА

В ночь на 19 апреля 1943 года (27 нисана по еврейскому календарю), когда узники Варшавского гетто собрались отмечать праздник Песах, туда вошла тяжелая немецкая техника и сотни солдат из карательных отрядов. В тот же день началось восстание — еврейское вооруженное сопротивление попытке нацистской Германии ликвидировать остатки Варшавского гетто. Восстание продолжалось до 16 мая и было жестоко подавлено регулярными частями СС.

Восстание в Варшавском гетто стало символом еврейского Сопротивления. 27 нисана, в день начала восстания по еврейскому календарю, в Израиле и за его пределами отмечается Йом ха-Шоа — День Катастрофы и героизма Европейского еврейства.

Встреченные организованным огнем обитателей гетто немцы были вынуждены отступить с большими потерями. Активную роль в проведении восстания в Варшавском гетто приняли отряды «Еврейской боевой органи-

зации» во главе с Мордехаем Анелевичем (общей численностью несколько сот человек) и отряд «Еврейского Воинского Союза». В восстании в Варшавском гетто активное участие принимали ультраортодоксальные евреи с полного одобрения главных раввинов.

Символической кульминацией восстания стало водружение бело-голубого флага на крыше одного из домов. Через пять лет такой флаг стал флагом Государства Израиль...

ЧТО РЕБЕ ГОВОРИЛ (И ЧЕГО ОН НЕ ГОВОРИЛ) О ХОЛОКОСТЕ?

Любавичский Ребе широко признан как человек, сыгравший особую роль в формировании облика еврейства после Холокоста. Но что Ребе говорил о самом этом событии?

Как и миллионы людей его поколения, Любавичский Ребе был лично затронут Холокостом. Его младший брат, Довбер, был застрелен и брошен в братскую могилу, как и десятки тысяч других евреев, убитых немцами вскоре после оккупации Днепропетровска осенью 1941 года. Также были убиты любимая бабушка и другие члены семьи. Жена Ребе потеряла младшую сестру Шейну, которая погибла в Трешлине вместе с мужем и приемным сыном.

В своих трудах и беседах на эту тему Ребе отвергал все богословские объяснения Холокоста. Что может быть большим самонимением, — говорил Ребе, — и большим бессердечием, чем давать «обоснование» смерти и мучений миллионов невинных мужчин, женщин и детей? Можем ли мы осмелиться пред-

положить, что объяснение достаточно компактное, чтобы поместиться внутри ограниченных пределов человеческого разума, может объяснить ужас такого масштаба? Мы можем только признать, что есть вещи, которые лежат за пределами ограниченного диапазона человеческого сознания.

Ребе говорил, что это не его задача — искать Б-гу оправдания. Только сам Б-г может ответить за то, чему Он позволил случиться. И единственным ответом, который бы мы приняли, сказал Ребе, является немедленное и полное Избавление, которое навсегда изгонит зло с лица земли и выявит сокровенное добро и совершенство творения Всевышнего.

Тем же, кто утверждал, что Холокост опровергает существование Б-га и Его провиде-

ние, Ребе отвечал: напротив, Холокост решительно опровергает любую возможность веры в светскую мораль и гуманизм человечества. В довоенной Европе именно немецкий народ считался в оплощении

культуры, научного прогресса и философской морали. И эти же самые люди совершали самые гнусные зверства в истории человечества! Если Холокост чему-то и учит нас, так это тому, что моральное и цивилизованное существование возможно только через веру и принятия Б-жественной власти.

Ребе также говорил: наше возмущение, наше непрерывное вопрошание к Б-гу о том, что произошло, — это само по себе является самым мощным подтверждением нашей веры в Него и нашей веры в Его благость. Потому что, если бы мы не нес-

ли в себе — в глубине души — эту веру, то тогда что же это, чем мы так возмущены? Капризы слепой судьбы? Случайное расположение кварков, составляющих вселенную? Именно потому, что мы верим в Б-га, потому что мы убеждены в том, что добро должно торжествовать над злом, — именно поэтому мы взываем, как Моисей: «Почему, Б-г мой, Ты сделал зло народу Твоему?!»

Но самое главное в отношении Холокоста для Ребе было не то, как мы понимаем или не понимаем его, и даже не то, как мы увековечиваем память его жертв, а то, что мы по этому поводу делаем. Если мы позволим боли и отчаянию помешать нам взрастить новое поколение евреев с твердой приверженностью своему еврейству, тогда гитлеровское «окончательное решение» будет, не дай Б-г, реализовано. Но если мы станем восстанавливать и будем воспитывать поколение гордое и верное своему еврейству, тогда мы восторжествуем.

Раввин Янки Таубер
Перевод Э. Когана

К 71-Й ГОДОВЩИНЕ ПОБЕДЫ НАД НАЦИЗМОМ

Лев Рубинштейн

Как человек своего поколения я, когда вижу широко распространившийся нынче «слоган» «Спасибо деду за победу», просто не могу не задаться вопросом: «Какому именно деду? Как его зовут или звали? На каком фронте сражался? Выжил? Погиб?»

Привлекательность этой формулы вполне понятна. Рифменная пара «деды-победы» имеет давнюю и почтенную историю. Вот и в старой солдатской песне поется «Наши деды — славные победы. Вот кто наши деды».

И все же?

Я принадлежу к тому поколению, для которого те, кого теперь называют дедами, были всего лишь отцами. И их было очень много. И они были молодыми тогда. И они были совершенно разными — умными, глу-

пыми, добрыми, вредными, честными, жуликоватыми.

Я родился через пару лет после окончания войны, но ее тяжелое дыхание еще явственно ощущалось в воздухе. Это дыхание ощущалось в разговорах, в словечках, в вещичках, в повседневном быте. Ребята постарше донашивали отцовские сапоги. Ребята помладше, вроде меня, играли в армейские пуговицы, в полевые бинокли и противогазы. Отцовская меховая жилетка, которую я многие годы поддевал для тепла под пальто, дожила до конца 70-х годов.

К фронтовикам в те годы вообще не было никакого специального отношения. В детстве мне казалось вполне обыденным, что вокруг меня очень много инвалидов и увечных.

Фронтвики, и мой отец в частности, мало и неохотно рассказывали о войне. Больше рассказывала мама. В том числе, и об отце. И показывала — по секрету от него — его письма. Мне запомнилось письмо, в котором он сообщал, что выписался из госпиталя после — слава богу — не очень сильного ранения. «А о том, что он попал в госпиталь, он не написал, — говорила мама, — Не хотел тревожить родных».

Мама рассказывала много. И особенно — про время эвакуации.

ДЕДЫ И ПОБЕДЫ

Например, о том, как по пути в эвакуацию в Уфу, она вышла на какой-то станции, чтобы взять немного кипятку, а состав, в котором она ехала с трехлетним сыном, моим старшим братом, в это время ушел. Тогда же никаких расписаний не было. Поезд мог стоять на станции несколько часов, а мог и несколько минут.

Нетрудно представить себе ее состояние в тот момент.

Она помчалась к коменданту станции. Она рассказала ему, что произошло. Он был нетрезв и весел. «Я смогу вам помочь, — сказал он, — но придется заплатить». «Как заплатить! У меня же все там, в поезде. И сын там! У меня ничего нет». «Ну, как это ничего нет!» — сказал комендант и вполне недвусмысленно подмигнул.

Мама в ужасе убежала от него и стала метаться по вокзалу. В полном отчаянии она сунулась в военный поезд. Увидела молодого лейтенанта, который согласился выслушать ее историю, который поверил ей и который, рискуя многим, нарушая суровые правила военного времени, взял незнакомую штатскую женщину без единого документа в кармане в поезд. «Но в вагон не могу», — сказал он.

Окончание на с. 2

ДАЙДАЖЖЕСТ.Е

К 71-Й ГОДОВЩИНЕ ПОБЕДЫ НАД НАЦИЗМОМ

Борис Табаровский

НЕГЕРОИЧЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ

*На войне, как на войне
(французская пословица)*

Есть такой анекдот: приехал домой отвоёвавший папа. За четыре года подрос сынок, и папа рассказывает ему о своих боевых подвигах. Сынок слушал, слушал, а потом спрашивает: «Папа, а что все остальные солдаты делали?»

Я очень люблю этот анекдот и вспоминал его всегда, когда меня просили рассказать о войне. Я никогда этого не делал, опасаясь, что это будет выглядеть, как охотничьи рассказы. Поэтому не ждите здесь описания героических подвигов. Хочу рассказать о бытовой стороне войны, о занятных и смешных (!) случаях, а это бывало и на войне.

В общем, «на войне, как на войне».

Еврейская разведка

Сложилась довольно — так сказать — необычная ситуация — разведотдел (ПНШ-2) 44-й гвардейской стрелковой дивизии сплошь состоял из евреев. Начальник отдела — майор Мишулем — скромный человек небольшого роста. Никогда не повышавший тихого голоса. Его заместитель — неистовый огненно рыжий капитан Фельс. Еще был переводчик — лейтенант (фамилию его я не помню) — тип еврейского интеллектуала, очень образованный, вежливый человек. Вел он переписку с Ильей Эренбургом, посылая ему интересные немецкие документы и письма, которые разведчики приносили в отдел. Был еще связной — паренек, как ни странно, русский — но он вскоре исчез, то ли заболел, то ли отчислили. Вот такой составчик. В дивизии так и называли: еврейская разведка.

Майор Мишулем был храбрым человеком. Однажды, уже в Белоруссии, во время одной операции он вдруг неожиданно для всех появился в нейтральной полосе в группе захвата, чтобы увлечь нас личным примером. И получил пулю, которая прошла по касательной в груди, и торчала, натянув кожу над соском. Взяли двух пленных. А я достал свой индивидуальный пакет, помог майору раздеться и перевязал его. Отправили его в тыл в го-

спиталь, но вскоре он вернулся, ранение оказалось легким.

Ну, а Фельс — это фигура одиозная. Он любил приходить к нам в роту и устраивать разносы: сильно картавя, размахивая руками, кричал на нас: «Какие вы разведчики? Х... — горе вы. А не разведчики. Какого х... вы сидите на передовой? Пришли, взяли языка и шагом марш обратно». Я довольно удачно его копировал, и меня ребята часто просили: «Борька, покажи Фельса». Я показывал и в награду получал порцию здорового хохота. А еще капитан Фельс прославился на всю дивизию вот таким происшествием: остановились у него карманные часы, нашелся умелец, который взял их починить, открыл крышку и обмер — здоровенная вошь залезла в механизм и остановила маятник. Хохотала вся дивизия.

Когда я попал в разведроту, то выяснилось, что я в ней был единственным евреем. Однажды майор Мишулем пришел в наше расположение и, поговорив с нашим командиром капитаном Артемьевым, вышел из хаты, и, впервые увидев меня, спросил: «Вы еврей?» Я ответил: «Еврей». — Не хотите пойти связным к нам в отдел?» Я ответил вопросом: «А вы считаете, что вас там мало? Как же я буду потом ребятам в глаза глядеть?». Очень он меня зауважал за это.

Победа

*От маршала и до солдата
Перед Победой все равны,
Как в том великом сорок пятом,
В день окончания войны...*

С. Орлов

Еще с вечера восьмого мая ходили неясные слухи о капитуляции Германии, а 9-го утром стало известно: Все! Война окончена! Победа! Немцы подписывают акт о полной и безоговорочной капитуляции. Большого праздника на моей памяти не было за всю мою долгую жизнь.

Был яркий солнечный день, да разве он мог быть иным этот день, день Победы? Весь наш городок (Борис Табаровский находился в это время в польском городе Воломин — Л.В.) вышел на улицу, возникла демонстрация, которую никто не организовывал. Взявшись за руки все вместе — и поляки, и наши — шли на главную площадь к ратуше, где возник стихийный митинг. С балкона произносили речи на польском и на русском языках. Кое-кто, начав говорить, закончить речь из-за слез уже не мог. Что-то было хорошее, настоящее в этом общем порыве, в Победе, которая объединила сегодня всех этих людей.

После митинга поляки стали хватать наших военных и тащить к себе домой.

Правда, никто и не сопротивлялся. Поляком было значительно больше наших. И поэтому мы оказались в дефиците. Когда после обильного угощения мы выходили на улицу, то новые руки хватили нас и тоже тянули к себе. Всем хотелось сегодня выпить с освободителями. Поэтому конец этого дня я уже плохо помню.

Некоторые мысли по поводу

Наша официальная пропаганда всегда утверждала, что Вторую мировую войну Советский Союз выиграл чуть ли не в одиночку.

Правда в том, что наша страна понесла несоизмеримые людские потери. Украина, Белоруссия, Крым, Кавказ

были оккупированы. Потребовались титанические усилия по переброске промышленности на восток, где почти на голом месте заводы начинали выпускать вооружение, боеприпасы и слать их фронту.

Но есть и другая правда. Да, союзники не торопились с открытием второго фронта, преследуя свои политические цели. Но та помощь, которая присылалась в огромных количествах, немало способствовала общему делу.

Думаю, что без американского продовольствия мы бы просто не могли бы выжить. Мука, сахар, сухое молоко, яичный порошок, сало, свиная тушенка, колбаса, бекон, масло и многое другое. Я за время пребывания на фронте не съел ни одной банки советских мясных консервов.

А автотранспорт! Вся артиллерия, «Катюши» были на «Студебеккерах». «Доджи», «Форды» и другие машины полностью заменили устаревшие полуторки и трехтонки «ЗИС-5».

Были и паровозы. Кроме того — медикаменты, перевязочные материалы, оборудование целых передвижных госпиталей. Было вооружение: «Аэрокобры», «Спитфайер» (самолеты), тяжелый танк «Уинстон Черчилль». Правда, это было в небольших количествах и не повлияло на общую картину вооружения.

Думаю, что все это внесло огромный вклад в общую победу.

Об авторе:

Табаровский Борис Моисеевич родился в Харькове в 1923 году.

В 1950 окончил Харьковский театральный институт (курс народного артиста СССР А. Г. Крамова).

С 1946 по 2002 год — актер Харьковского государственного академического русского драматического театра имени А. С. Пушкина.

Народный артист Украины.

Умер 29 сентября 2004 года.

Публикуется несколько глав из его «Негероических воспоминаний о войне».

ДЕДЫ И ПОБЕДЫ

Окончание. Начало на с. 1
И она ехала на открытой площадке поезда, закутавшись в тулуп, который ей дал неизвестный солдатик.

И они нагнали свой поезд. Когда мама убежала в вагон, она увидела и услышала, как знакомые женщины на чем свет стоит костерят мамашу, бросившую собственного ребенка.

В Уфе их поначалу поселили — то есть подсадили — в квартиру какого-то военного. Вечерами хозяин дома выпивал пару стаканов мутного самогона и заводил казавшиеся невыносимыми в те времена разговоры. Он не скрывал своего откровенного злорадства по поводу того, что немцы стояли под Москвой. «Ну что, — говорил он, наливая третий стакан, — придет немец-то в вашу жидовскую Москву, наведет там порядок-то. Мужик-то твой где? Под Ленинградом? И туда немец придет, вот увидишь».

Работал он, между прочим, кем-то там в местном военкомате. Не больше и не меньше. Почему он был столь откровенен? Бог его знает. Может быть, под

воздействием самогона. А может быть, понимал, что мама не пойдет на него доносить. А может быть, и просто провоцировал.

Я уверен, что он пережил войну, и после нее жил долго. И наверняка был награжден каким-нибудь орденом. А может быть, и выступал перед учащимися местной школы, где рассказывал детишкам о своих военных подвигах.

И этот человек был чьим-то дедом. И портрет этого героя в военной форме тоже лежит в чьем-нибудь семейном альбоме.

И чьим-то дедом был тот самый комендант той самой станции, где мама отстала от поезда и чуть не потеряла своего сына.

И тот мимолетный лейтенант, взявший маму в поезд, и солдат, поделившийся с мамой тулупом, — чьи-то деды.

И мой сосед по коммуналке, безногий дядя Коля, сильно пьющий баянист, штурмовавший в 44-м году Кенингсберг, тоже дед своим внукам.

И другой сосед, дядя Ленья, бывший танкист с наполовину сожженным лицом, тоже чей-то дед.

И мамин двоюродный брат дядя Йоня, трижды бежавший из плена, а при последнем, удачном побеге отморозивший левую ступню, которую потом пришлось ампутировать, дядя, Йоня, об истории которого не очень-то было принято говорить вслух, потому что после побега он на несколько лет попал в совсем другой лагерь, откуда вернулся уже полным инвалидом, тоже был чей-то дед.

И сука-особист, который в 41-м году полдня допрашивал моего дядю Мотю, морского офицера, добиваясь, но не добившись от него показаний на его друга и однополчанина, заподозренного в «пораженческих разговорах» — тоже чей-то дед.

И тот, кто мерз в окопах, чей-то дед. И тот, кто врвался в дома чеченцев, ингушей, калмыков, крымских татар со словами «десять минут на сборы», тоже чей-то дед.

И мой отец, прошедший войну от первого до последнего дня, воевавший на Ленинградском фронте, тоже дед. Дед моей дочери и моего племянника.

Все они деды. Но какие это разные деды.

Нету и никогда не было «дедов» вообще. Среди «дедов» были и настоящие герои, и трусы, и негодяи, наживающиеся на чужих несчастьях, и просто люди, просто мужчины и женщины, на чье поколение свалилась война. Они не выбирали свою участь. Участь сама выбрала их — так получилось. И под тяжестью этой общей участи каждый проявлял себя так, как он себя проявлял.

Слово «деды» означает не только дедов, то есть отцов наших родителей. Этим словом, например, называют старослужащих в армии. А также это слово во многих славянских языках означает предков вообще. И именно архаический, языческий культ предков, резко отскочив на несколько эпох назад, упорно и вполне целенаправленно пытаются теперь возродить в нашем обществе.

Оттуда и цветущий, агрессивный антиисторизм, поразивший сознание многих сограждан. Оттуда же катастрофическое непонимание того,

что надпись «На Берлин» на борту танка Т-34 в далеком 1944-м году и такая же, но на заднем стекле «Фольксвагена» в наши дни — это две разные надписи, не только не имеющие друг к другу никакого отношения, но и совершенно разные, чтобы не сказать противоположные, по значению и по содержанию. Оттуда же и глумливый патриотизм, ставший не столько живым чувством, сколько доходным «брендом», и вальяжная «диванная» воинственность, и игрушечное героичество, и нравственная инвалидность, и историческая глупота.

А деды, конкретные человеческие деды, — все разные. У каждого есть имя, фамилия, биография. И эти биографии тоже разные. Иногда реальные, иногда выдуманные. Да и не проверишь теперь: в живых к сегодняшнему дню остались буквально единицы. Да и не надо уже, пожалуй, ничего и никого проверять — теперь-то зачем. Про это надо просто помнить. Вот и все.

Лев Рубинштейн

ИМЕНА СОБЫТИЯ ЛЮДИ

Илья Изгур за работой

Игорь Шуйский

ИЛЬЯ ИЗГУР

Писатель, внесший неоценимый вклад в развитие и популяризацию языка эсперанто в Украине

Илья Ефимович Изгур (Эли Йозл) родился 16 мая 1881 года в Белоруссии. Писатель. Член ЦК Союза эсперантистов СССР, центральных органов международных организаций эсперанто. Доцент НИИ педагогики в Харькове. Расстрелян в Киеве 3 сентября 1937 года. Реабилитирован 19 марта 1959 года.

Эли был младшим сыном семидесятилетнего пекаря, проживавшего в местечке Березина Игуменского уезда Минской губернии. Огромный пожар, охвативший город в 1896 году, оставил многодетную семью без средств существования. В навигацию юноша нанялся разнорабочим на пароход, курсировавший по реке Березине. Накапливая жизненный опыт и занимаясь самообразованием, он не оставлял мечту быть учителем. В 1900 году остановился у старшего брата в Варшаве и готовился экстерном получить учительский диплом 2-ой мужской гимназии в Новолипках, однако попытка закончилась неудачей, как считал Изгур из-за предвзятого отношения экзаменаторов к его еврейскому происхождению, заметив, что на экзаменах «срезались» ещё девятнадцать экстернов-евреев.

Первый опыт частных уроков Илья получил также в Варшаве. В семье адвоката Померанца молодой репетитор познакомился с еврейским писателем А. Рейзенем, обратившем внимание на литературные способности парня. При его поддержке Изгур подготовил и опубликовал в сборнике «Осенние листья» в ноябре 1903 года первую статью «Гипнотизм». Удачный писательский опыт вдохновлял. С 1906 года он публиковал стихи, поэмы, рассказы, очерки и статьи почти во всех газетах города Вильны, где проживал в то время. Изгур предпочитал оставаться вдалеке от политики, к которой, как ни странно, подтолкнула заинтересовавшаяся активным юношей полиция.

Первый поэтический сборник «Schloflose Nacht» (Ночи Бессонные) из произведений, написанных в известной вильнской тюрьме на Лукишках, где Изгур оказался по политическому обвинению, был опубликован в 1910 году издательством «Современная литература». Книга была своеобразным подарком писателей, поддержавших коллегу, оставшегося без постоянной работы. Периодически возвращаясь в родной город, он занимался организацией бесплатной общественной библиотеки, культурно-просветительской работой, преподавал русский язык в еврейской народной школе. При поддержке еврейской общественности им была инициирована организация туберкулезного санатория «Бриус» (Здоровье) в городке Отвоцк под Варшавой, известного лесно-климатической станцией, но с началом войны строительство прекратилось. Быстрое наступление немецких войск заставило Илью с двумя детьми и женой Цилей эвакуироваться в Кременчуг. Ужасные условия жизни беженцев из прифронтовой полосы нашли отражение в серии фельетонов и очерков, помещенных газетой «Приднепровский голос». Покровительство редакции, поручившейся за Изгура как приглашенного специалиста, спасло от неминуемого выезда на север по приказу губернатора. В городе он получил известность, работая в комитете «Общества ремесленного и земледельческого труда среди евреев», попал в городскую думу по списку ЕСДРП «Поалей Цион» (Рабочие Сиона) и в августе 1917 года был избран секретарем, проработав до ее ликвидации. Изгур был арестован денкинской контрразведкой, приговорен к смертной казни и только за два часа до исполнения приговора ему удалось бежать. Переживания, надежды и разочарования смутного времени нашли отражение в лирико-философских поэмах в прозе, опубликованных харьковским издательством «Искания» в 1919 году.

«Блуждающим и ищущим, верующим и обманутым, трагически одиноким, непризнанным и осмеянным глашатаем победы Разума на Стихийе и Жизни над Смертью — моя песнь и привет», — такое посвящение вынес в начало поэмы «В Даль» автор.

После установления советской власти Изгур получил возможность профессионально заняться любимы-

ми занятиями — литературой и эсперанто. И если дневное время отдавал службе, ночью брался за литературу. За короткое время опубликовал революционные произведения «Праздник труда», «Те, что знают твердо путь», «На переломе». Он совершенствовал язык, оттачивал стиль, пробовал себя в новых направлениях искусства, подготовив с композитором Я. Наровлянским музыкальную кино-поэму «Да будет свет!».

Известность получили переводы его работ за рубежом. Издания включали биографические разведки, как шведского автора Эйнара Адамсона «Человек, поэт, революционер». К особой категории исключительных людей — апостолов, стремившихся к всеобъемлющему счастью, — относил Илью Изгура известный писатель Анри Барбюс. Он называл автора логиком и поэтом, говорящим «языком гармоничным, простым, понятным, в то же время блестяще-изысканным и волнующим. Во времена преобразований, когда общество жаждало неожиданно-нового в искусстве, литературные работы Изгура продолжали получать положительные отзывы в советской прессе, авторы которых отмечали оптимизм и своеобразную философию его мировосприятия. «Время порождает поэта. Наш век породил Изгура», — подытожил заведующий научно-исследовательской лабораторией искусств (также творческие времена!) Харьковского музыкально-драматического института профессор Кручинин.

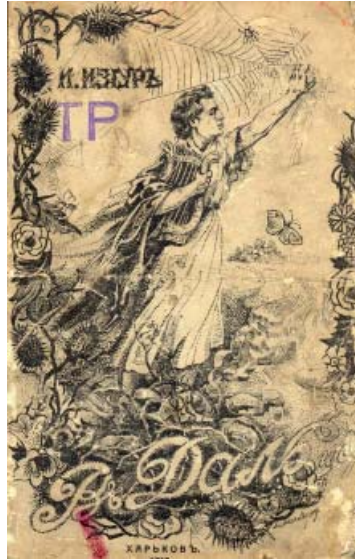
Деятельность Изгура как члена центральных органов Союза эсперантистов Советских республик (СЭСР), украинского комитета эсперантистов, международных организаций эсперанто можно условно

Илья Изгур в кругу эсперантистов, Кременчуг, 1920-е гг. Фото Г. Ольшанского

разделить на теоретическую и практическую. Подготовленный в соавторстве с Виктором Колчинским словарь на 50 000 слов сами составители назвали ядром будущего Общего словаря на 100 000 слов. Как член лингвистической комиссии при ЦК СЭСР настаивал на исследовании интернациональности эсперанто, поиске путей дальнейшего развития, доказательств того, что эсперанто эволюционирует и совершенствуется быстрее других языков.

Доминировавшая в начале 1920-х годов идея мировой революции требовала создания эффективной интернациональной связи. Стремясь к массовости, Изгур настаивал на открытии факультативов, а также включении эсперанто в школьные и вузовские программы. Показательной была работа, проведенная студентами Кременчугского института социального воспитания. Не имея знаний иностранных языков, кружковцы использовали эсперанто в переписке с границей. Вопросы, которые поднимались в письмах, касались преимущественно сравнения политических и социальных условий в советской Украине с капиталистическими странами. Переписка приобрела характер идеологического соревнования. Во многом благодаря Изгуру, переехавшему в Харьков, движение охватило вузы и рабочие коллективы столицы Украины. Тематические

«В Даль», из-во Искания, Харьков, 1919

рубрики появились на страницах газет и в эфире набиравшего популярность радио.

Однако далеко не всегда движение эсперанто встречало благосклонное отношение в стране Советов. И если отрицать политическую целесообразность языка международной связи оппоненты открыто не решались, критике подвергали его художественные свойства. Надежда Крупская на страницах «Комсомольской правды» назвала эсперанто кабинетным языком, который всегда будет бедным, мертвым, холодным и жалким, добавив, что международную солидарность всегда сближала общая борьба, а не искусственно созданный язык. Инициатива введения эсперанто как дисциплины в украинских школах натолкнулась на препоны, имевшие иное объяснение. Нарком просвещения Украины Мыкола Скрыпник озвучил

официальную позицию 30 мая 1930 года на собрании актива города Сталино, противопоставив эсперанто украинизации, которая в то время в Донбассе заметна «пробуксовывала». «Но, уважаемые товарищи, разрешите нам не позволить Вам! ...линию проведения эсперантизации вместо украинизации нужно категорически и решительно осудить и отбросить», — настаивал нарком.

Актив эсперантистов продолжал формировать общественное мнение, опубликовав суждения харьковских литераторов. Чаще всего, это были утверждения о пользе знания нового языка, призванного охватить мир и снизить языковые барьеры. Встречались и диаметрально противоположные точки зрения. Леонид Первомайский назвал язык искусственным, в будущее которого не верит, а Владимир Сосюра возможным государственным языком СССР, а в дальнейшем, и всего мира. Важной оказалась поддержка литературного общества «Плуг», издательство которого готовило эсперанто-переводы лучших украинских писателей. Председатель союза Сергей Пилипенко делился: «Я сам изучил и советую изучать язык. По моему мнению, в каждом нашем вузе должен быть кружок эсперанто и в число дисциплин должно быть введено эсперанто».

Вероятно, на негативный поворот событий повлиял раскол Всемирной внеакадемической ассоциации эсперантистов (SAT) с отделением части, создавшей Интернационал пролетарских эсперантистов. Советская пресса, неистовствуя, обрушилась на руководство SAT и лично Эжена Ланти, вспоминая как ренегата и предателя, разорвавшего связь с компартией Франции и свернувшего с пути классовой борьбы.

Вокруг ЦК эсперантистов формировалось мнение, что его международная деятельность всего лишь легальное прикрытие контрреволюционной троцкистской организации, поддерживавшей тесные отношения с зарубежным центром. По мнению исследователей, репрессии эсперантистов начались осенью 1936 года в Харькове. В октябре были арестованы и доставлены в Киев Виктор Колчинский и Илья Изгур. И вновь «в одиночной клетке тюремного заключения, где счет был утерян дням, и где проклинающий крик души моей разбивался о камень каземата и о железо прикованной к стене койки».

Результатом изматывающих ночных допросов стало заявление, составленное в Лукьяновской тюрьме 11 января 1937 года. «Напрасно я протестовал против текста составленного Вами и внесенного Вами в протокол: «потому что я стоял на троцкистских позициях по вопросу о мировой революции». Я не знал и не знаю, что это за позиции, ибо я никогда не читал сочинений Троцкого. Я чувствовал, что это выражение (формулировка) крайне нужно Вам, как следователю, и что здесь имеется какой-то подвох. Обезволенный и смертельно измученный допросом, затянувшимся до двух часов, ночью я подписал этот протокол в надежде приблизить конец моих моральных пыток и потрясающих переживаний, когда мысль о самоубийстве, как средстве избавления от повторных моральных пыток при следствии не оставляла меня ни на минуту. Любое безумие я мог бы тогда подписать, если Вы предложили бы. Вы же торжествовали и пожали мою руку, к моему позору...

Окончание на с. 4

ИМЕНА СОБЫТИЯ ЛЮДИ

ИЛЬЯ ИЗГУР

Писатель, внесший неоценимый вклад в развитие и популяризацию языка эсперанто в Украине

Окончание. Начало на с. 3

Ваша необъективность, пристрастность и тенденциозность во что бы то ни стало, любой ценой добиться моей моральной, политической, гражданской смерти — для меня очевидна. Я вижу ясно свою полную беспомощность в борьбе с Вашим отношением ко мне. Но правду свою я знаю хорошо. Нет таких логических предпосылок, абсолютно никаких, которые могли бы быть осмыслены и оправданы житейской правдой, чтобы я на закате моей жизни стал врагом Советского Союза, рабочего класса, социализма, — идеала, который жил в моей душе, давал мне бодрость, силу, надежду, оптимизм, радостное ощущение равноправного человека, свободы и счастья... Я заранее знаю, что это мое заявление вызовет у Вас гнев. Но каково бы ни было Ваше отношение к этому моему заявлению, я согласен на Конституцию, представляющую каждому обвиняемому право на защиту, прошу приобщить это к заявлению к моему делу ибо Заявление это предназначается ведь и для суда, от которого зависит моя судьба. Следственный заключенный Илья Ефимович Изгур».

Тянулось время, провокационные вопросы работника НКВД звучали все нелепее. 29 мая 1937 года: «Следствию известно, что вы в своих письмах и заметках передавали клевету за границу о том, что рабочие харьковских заводов, якобы, получают низкую зарплату, о высоких ценах на продукты и предметы потребления и, что Украина, якобы, переживает кризис. Далее, Вы отослали зарубежным троцкистским центрам эсперантистов выдержки из местных газет по отдельным вредительским актам в сельском хозяйстве, причем те акты

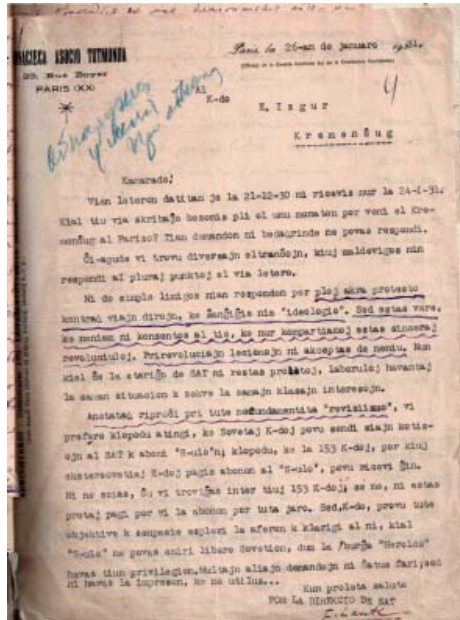
объяснили как протест крестьян против неправильной якобы политики партии и правительства на селе»; «Почему Вы до последнего времени пользовались личными бланками, в которых вместо международного революционного лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», напечатан антимарксистский лозунг: «Пролетарии мира, соединяйтесь через эсперанто»?; «В 1936 году Вы получили буржуазный справочник «Универсальной эсперантской организации», в котором содержались адреса разношерстной контрреволюционной публики?»

Илья Изгур, 1934 г.

Когда перед советским правосудием находился не разрушившийся враг, незначительными были ответы, а цена его жизни минимальна. Литературные произведения, вызывавшие восторг читателей, у «критиков» НКВД получили оценку «идеалистически-мистических». В письме, отправленном из Лукьяновки летом 1937-го, Изгур, с присущей ему образностью, писал «Злой гений очернил все мое прошлое и настоящее одним сплошным черным пятном, не оставив ни одного чистого местечка».

В суде Изгур настаивал, что о существовании антисоветской организации ему вообще ничего не было известно. Ход непродолжительного заседания с предвительно заготовленным приговором окончательно развеял надежды. И лишь в 1959 году, когда изменилась политическая воля руководства государства, «были обнаружены новые обстоятельства», свидетельствующие о необоснованности осуждения. По заключению Главной военной прокуратуры СССР выдвинутое Илье Изгуру обвинение было построено на сомнительных и про-

Письмо Эжена Лантти от 26 января 1931 г. изъятое НКВД при обыске Изгура

творческих показаниях предварительного следствия, которые он опроверг в суде; не нашли подтверждения и другие обвинения.

Хотя родные приложили немало усилий, пытаясь выяснить судьбу Ильи Ефимовича (в ходатайствах приводятся даже фамилии следователей — Горец и Меерович), советская карательная система по этому поводу хранила молчание. «Его арест глубоко поразил нас», — вспоминала в 1939 году дочь Юдифь — «Я уверена, если он и подписал обвинение, которое, безусловно, было фальшивым, так сделал это только в результате сломанной воли через длительное следствие, которое затянулось. Я очень прошу пересмотреть дело И.Е. Изгура. Я уверена... просматривая дело вы убедитесь, что эта талантливый и активный человек сможет еще сделать много полезного своей родине». Дочь, достойная отца, сумела усилить обращение лексическими индикаторами, что, впрочем, не возымело действия.

Почти через год после ареста и через месяц после казни Ильи Ефимовича была арестована Циля Борисовна Изгур (Розовская). На единственном допросе следователь интересовался контактами мужа и разговорами на политические темы. По приказу НКВД СССР она подлежала этапированию в Темниковский лагерь «как жена осужденного участника антисоветской троцкистской террористической организации», невзирая на «букет» зафиксированных тюремным врачом хронических заболеваний: «субкомпенсированный миокардит, хронический ревматизм и отсутствие всех зубов». Из лагерного спецотделения на станции Потьма Ленинской железной дороги она выслала несколько ходатайств о пересмотре дела. «Сам факт, что я нахожусь в лагере как жена изменника Родины, совсем изолированно от своих детей и внуков и даже лишена права переписки с ними, меня вполне убивает и забирает последние силы». В ее воспоминаниях Изгур предстает патриотом, революционные заслуги которого были надлежащим образом оценены советской властью, и арест состоялся, вероятно, в результате оговора злостными клеветниками, лицемерно сводивших личные счеты. Обращения были внимательно изучены центральным аппаратом НКВД, вынесшим решение об отказе в жалобе, «учитывая тяжесть преступления ее мужа, с которым она прожила тридцать лет». Это окончательное решение «сталинского правосудия» почти на полвека отбросило реабилитацию Цилю Изгур, состоявшуюся через тридцать лет после признания невиновности Ильи Ефимовича Изгура.

Об авторе:

Игорь Шуйский, старший научный редактор редакционно-издательской группы Харьковского тома «Реабілітовані історією».

© Специально для «Дайджест Е»

ИЗРАИЛЬ ПРАЗДНУЕТ
68-Й ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ

День Независимости Израиля («Йом а-Ацмаут») — главный государственный праздник, отмечаемый в память о провозглашении государства Израиль 14 мая 1948 года (5 ияра 5708 года по еврейскому летосчислению). В этот день, примерно за 8 часов до окончания британского мандата в Палестине, была подписана Декларация Независимости Израиля, и Давид Бен-Гурион (впоследствии первый премьер-министр страны) провозгласил создание государства Израиль. Это объявление было сделано в рамках 181 резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 года.

Вечером 11 мая, после завершения Дня памяти жертв войн и терактов («Йом а-Зикарон») начинается официальное празднование 68-й годовщины со дня основания государства Израиль. Праздно-

вание длится в течение всего дня 12 мая. В этом году торжественные мероприятия посвящены теме «гражданское мужество».

Накануне Дня Независимости Центральное статистическое бюро опубликовало отчет о численности населения Израиля. В соответствии с этими данными, в Израиле проживают 8 522 000 человек (в молодом государстве насчитывалось 808 000 жителей), т.е. с момента основания государства численность населения выросла в 10 раз. 75% населения Израиля составляют уроженцы страны (в 1945 году этот показатель составлял 35%).

За прошедший год Израиль принял около 36 тысяч репатриантов.

В 1948 году Тель-Авив был единственным городом, население которого превышало 100 тысяч человек. В 2016

году в Израиле насчитывается 14 городов с населением более 100 тысяч. В восьми городах: Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе, Ришон ле-Ционе, Петах-Тикве, Ашдоде, Нетании и Беэр-Шеве — проживают более 200 000 человек.

Ежегодная торжественная церемония зажжения 12 факелов, символизирующих двенадцать колен израилевых, по традиции прошла на горе Герцля в Иерусалиме, после чего в городах страны были устроены фейерверки.

День Независимости — единственный официальный нерабочий день в Израиле, когда ходит городской транспорт, а население, соблюдающее еврейские религиозные традиции, может ездить в автомобилях и зажигать огонь, поэтому праздник отмечается массовым выездом израильтян на пикники.

**ХАРЬКОВСКИЙ МУЗЕЙ
ХОЛОКОСТА
БЛАГОДАРИТ
ЗА ФИНАНСОВУЮ
ПОДДЕРЖКУ**

Ваад Украины,
(сопрезидент Иосиф Зисельс, Киев);

**Благотворительный
фонд «Дар»**

(председатель правления
Валентина Подгорная, Киев);

**Американский
распределительный
комитет «Джойнт»
в Харькове**

(директор Мики Кацыф);

Шевченко Леонид, Харьков

«Дайджест • Е»

Учредитель: ХОК «Дробицкий Яр»

Издатель: Харьковский
музей Холокоста

Рег. свид. ХК№241 от 05.01.1995г.

Главный редактор **Лариса Воловик**
Верстка **Сергея Рожкова**

Наш адрес: 61024, Украина,

Харьков, ул. Ярослава Мудрого, 28

Телефоны редакции:

(057) 700-49-90, 714-09-59

<http://holocaustmuseum.kharkov.ua/>E-mail: kharkovholocaustmuseum@gmail.comТипография издательства «Харків»
Московский проспект, 247.

Тираж 1 000 экз.

Подписан в печать 13.05.2016 г.

Заказ №6-0060

Подписной индекс 21785

Газета выходит при финансовой поддержке
Благотворительного Фонда «ДАР»